

...ТРИ года назад жизнь актрисы Ирины ПЕЧЕРНИКОВОЙ ("Доживем до понедельника", "Первая любовь", "Два капитана", "34-й скорый" и т. д.) остановилась. Погиб ее любимый, единственно нужный на всей Земле человек. Погиб, когда казалось, что все самое горькое осталось позади и наконец они соединились, обвенчавшись в маленькой церкви на Арбате.

Саша

- ...В 69-м году на всю Москву гремел спектакль Театра Маяковского "Два товарища". Я вышла на поклон и увидела мальчика, который тянулся ко мне с цветочком в руке. Может, и не запомнила его, если бы не глаза. Огромные, синие, как весеннее небо. Но в тот год мое сердце билось в унисон совсем другому мужчине. Я вышла замуж за музыканта Збышека и уехала в Польшу. Однако жить без театра оказалось невыносимо. Часами, не понимая, где день, где ночь, сидела я, уставившись в стену. Пока, наконец, не поняла, что потихоньку схожу с ума. И тогда вернулась в Москву, в театр. И снова увидела эти сияющие синие глаза, теперь уже актера Маяковки Саши Соловьева, которые он мгновенно опускал, стоило мне приблизиться. Мы ходили одними коридорами, но, кроме "здрасьте!", так ничего друг другу и не сказали. Саша ушел из театра, и мы надолго потерялись.

Ничего не складывалось. Ни у меня, ни у Саши. Ни в жизни, ни в театре. Не зная, как избавиться от душевной маэты, мы оба стали искать утешения в вине. И оба, словно сговорившись, решили вырваться из этого кошмара. Судьба кинула нас в объятия... в клинику, куда мы прилетели за спасением. Целый день мы бродили по Феодосии и говорили, говорили... А потом были еще четыре дня в Москве. И опять мы говорили, говорили... Скоро, скоро Новый год, и мы встретим его вдвоем! Но... Саша поехал поздравить сына. Когда вернулся, я сразу поняла, что это конец. Сынишка болел и очень тосковал без папы. Как я смогла выговорить, что мы должны расстаться, до сих пор не пойму. Я осталась одна. И восемь лет прожила, как будто меня распилили пополам.

Работала в двух антрепризах, исколесила с ними всю страну, но грянул 92-й, цены взлетели, поездки стали невозможны. Я осталась нигде и ни с чем. Полная безнадега, сигарет не на что купить. Впервые в жизни стало так страшно, что я заболела. Попала в больницу, но потихонечку выкарабкалась. Сдала квартиру, купила дом - настоящую развалюху - за двести километров от Москвы. Четыре года, как заправский прораб, занималась строительством. И тут появился Саша. Сын вырос, и мы могли наконец пожениться. Мы жили, как перелетные птицы. Как ненормальные радовались, что вот есть еще один день и мы вместе. За ручку ходили, как дети, и не расставались ни на минуту... В канун Нового года я

поехала навестить папу, вернулась - Саши нет. Сначала подумала, что он пошел к друзьям, и стала ждать. Но пробило двенадцать, а его все не было. Тогда я поняла: произошло что-то ужасное. Еще неделю я искала его по моргам...

Жить не хотелось. Я бы ушла за Сашей, но это тяжкий грех. Все вдруг стало не важно и бессмысленно. Думала только об одном: "Зачем все? Когда нужен

Исповедь актрисы

Аргументы и факты - 2003 - январь (М4) - с 17

один?! Так прошли два года. А этим летом я вдруг поехала к себе в деревню цветочки сажать. Теперь не гоню от себя воспоминания. Благодарю судьбу, Бога,

что хоть узнала, что такая любовь бывает на свете.

За кулисами

СТУДЕНТКОЙ я начала репетировать во МХАТе главную роль в спектакле "Зима тревоги нашей", где играл Массальский. Однажды кто-то прошипел мне вслед: "Конечно, она же спит со всеми. И с Массальским. И с Пузыревым". Господи, как я рыдала! Забилась в декорации, и там на меня напал наш педагог. Узнав, в чем дело, он сказал: "Запомни, если о тебе говорят, значит, ты или женщина необыкновенная, или актриса талантливая. Плакать будешь, когда перестанут". Я запомнила и уже не рыдала, когда меня записывали то в жены, то в любовницы и к Тихонову, и к Смоктуновскому, и к Богатыреву, и к Высоцкому...

Вернувшись из Польши, пошла работать в Маяковку. Но Гончаров все время кидал меня на амбразуру - спектакли "в честь" или "по поводу". Я начала тихо загнывать. И ушла из Маяковки. Меня пригласил Михаил Иванович Царев в Малый театр на главные роли, правда, честно предупредил: "Учтите, у нас императорский театр. Вас будут есть минимум два года". Так оно и было. Обрывали перед премьерой телефон, грозили плеснуть кислоту в лицо, извести всю мою семью. Два года с аппетитом "кушали". Потом я сыграла в спектакле "Красавец-мужчина", и по-настоящему творческая часть меня признала. Из Малого театра я ушла в 90-м г. В никуда. Со смертью Михаила Ивановича пропало ощущение, что это мой дом.

Высоцкий

Я, НАВЕРНОЕ, была единственным человеком в СССР, который не знал о бешеной популярности Высоцкого. Его взлет произошел, когда я жила за границей. Помнила Володю со студенческих времен, когда он пел "Парус, порвали парус". Поэтому, когда мы случайно встретились на "Мосфильме", я и спросила: "А вы еще чего-нибудь, кроме "Паруса", написали?" У Володи глаза сделались как блюдца: "Ты что, ничего не слышала?!" Он сгреб меня в охапку, повез к себе и пел три часа подряд. Был ли он в меня влюблен? Не знаю, наверное, немножко,

если это длилось несколько месяцев и каждый день я приходила на его спектакль или сидела у него дома. Я его обожала, даже боготворила. За то, что со своей горы Афон разглядел меня, посадил на лодочку и опустил рядом с собой на вершине.

Но однажды... Должна была прилететь Марина Влади. Я спросила: "Ты любишь Марину?" - "Люблю". И все. Наше Зазеркалье мгновенно разлетелось на мелкие стеклышки. И я вместе с ним. Володя это жутко разозлило. Все это было безумно страшно, больно, и я исчезла. Потом мы встретились на съемках "Сказ о том, как царь Петр арапа женил...". У меня был перелом ноги. Целый месяц искали другую актрису, но мои костюмы, как Золушкин башмачок, ни на кого не налезали. В конце концов Митта приехал ко мне: "Ира, сможешь сниматься?" - "Боль отпустила, но мы же там бегаем по лестницам, а я еле-еле на одной ноге стою!" - "Ничего, Владимир Семенович на руках будет носить". Вот так мы снова встретились с Володей. Он носил меня на руках с гипсовой ногой и молчал. А вот сцена безумной страсти в постели у нас никак не получалась. Мы довели бедного режиссера до белого каления: "У меня "Кодак"! Семь дублей запороли!" Тогда мы что-то сыграли. Но так и не заговорили.

С нуля?

СЕМЬ лет я не выходила на сцену. И сейчас меня гложет страх, что я никому не нужна. Я привыкла, это очень нескромно, чтобы меня любили зрители. И меня любили, я это чувствовала каждый спектакль. А сейчас уже столько лет меня не любят. Это не обидно, а ощущение чудовищной несправедливости: "Как же так? Я отдала всю свою жизнь театру - и вдруг никому не нужна? Я же еще есть! Меня еще много". Наверное, я забрела не туда в поиске ролей легких, радостных, чтобы хоть на пару часов отвлечь зрителей от нелегкости бытия. Значит, надо все сбросить и начать с нуля. Иначе задохнусь. Уже силы на исходе...

Записала Марина НЕВЗОРОВА
Фото из личного архива